

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ

УДК 39 (47)
ББК ТЗ (29=)

Ю.А. Евстигнеев

КУМАНЫ/КУНЫ: КТО ОНИ?

Предпринята попытка этнической идентификации кунов и куманов, отличной от мнения в традиционной историографии, что этнонимы «куны» и «куманы» – названия одного и того же этноса. На основании сведений исторических источников о территории их исконного обитания до прихода в Северное Причерноморье, об их языке и физического облика, а также о семантике их этнонимов, установлено, что куны и куманы – разные, хотя и этнически родственные, этнические общности.

Ключевые слова:

Куны, куманы, токуз-огузы, огузы, Китай, Казахстан, этно-политическая ситуация, миграции, язык, этническая идентичность, Венгрия.

В 1055 г. переяславльский князь Всеволод Ярославич возвращаясь из похода на торков, повстречал отряд новых, неизвестных до того на Руси, кочевников во главе с ханом Болушем. Встреча прошла мирно, новые «знакомые» получили русское название «половцы» и будущие соседи разошлись. С 1064 г. в византийских и с 1068 в венгерских источниках упоминаются куманы (куманы или команы) также неизвестные в Европе. Кто они, откуда пришли, это один народ под разными названиями или это разные племена? Возмозжно, подобные вопросы возникали у летописцев, записывавших сведения о появлении неизвестных пришельцев. Возникали такие вопросы и у историков, живших много позже. В настоящее время вроде бы дан ответ на все эти вопросы: это тюрки, которые пришли из восточных степей, известных в средневековых арабо-персидских источниках как Дешт-и Кипчак, а значит и пришедшие племена – кипчаки. Однако ни в Византии, ни на Руси, ни в других странах Европы кипчаки в ту пору были неизвестны. И, как справедливо отмечает современный российский историк и писатель С.Э. Цветков: «Происхождение этой группы кочевых племён изучено слабо. ... Очевидно, впрочем, что к ней неприменимы понятия народа, народности или этноса, ибо самые разнообразные источники свидетельствуют о том, что за этнонимом

«кыпчаки», «куманы», «половцы» скрывается пёстрый конгломерат степных племён и родов, в котором изначально присутствовали как тюркские, так и монгольские этнокультурные элементы» и далее: куманы, кыпчаки и половцы – «псевдоэтнонимы – нет ни малейшего указания на то, что они взяты из слов обихода самих степняков» [22, с. 20–21]. Тут автор приведённой цитаты показал пробелы своих знаний источников и литературы о средневековых кочевых племёнах, в отличие от древней Руси. По его мнению, указанные этнонимы возникли «с потолка», не путём «знакомства» с их носителями (самоназвание половцев «сары» приводит русский летописец под 1096 г.).

Малочисленность источников и разноречивость мнений, особенно непрофессионалов, усложняют проблему. Такая же проблема и в вопросах истории куманов и кунов. Историк И.О. Князький, ссылаясь на И.Г. Добродомова, утверждает: «есть достаточно оснований полагать, что куны – никто иные как восточная ветвь половцев, западной же ветвью были половцы-сары» [9, с. 45]. Но оба, И.Г. Добродомов и И.О. Князький ошиблись, очевидно, не располагая необходимыми источниками. А между тем, о кунах имеются сообщения и в китайских, и в мусульманских источниках. Сообщая, например, о перемещении тюркских племён, уроженец города Мерва Шараф аз-Заман

Тахир Марвази в своём трактате «Естественные свойства животных» (1120 г.) назвал причину и, главное, участники миграции, среди которых сары (половцы), кай и куны. Марвази пишет, что кай напали на племена кунов и «прогнали их с тех пастбищ» [21, с. 212]. Куны были вынуждены бежать с территории, где, согласно сообщению Абу-Райхана аль-Бируни в 1029 г., куны и кай кочевали по соседству с кыргызами. Так что, куны и их соседи (кай с одной стороны, сары/половцы – с другой) начали движение с территории современной Джунгарии (географическая область на севере Синьцзян-Уйгурского автономного р-на, КНР), т.е. гораздо восточнее Дешт-и Кипчака (территория Казахстана, без Семиречья). Изгнанные со своей территории племена кай, куны первыми начали движение на запад, тесня сары/половцев [7, с. 119–123] и куманов, оказавшихся авангардом новой, вслед за печенегами и торками, волной тюркских мигрантов.

Куны. Неизвестные, за небольшим исключением, европейским и мусульманским источникам куны хорошо знакомы далеко на востоке.

В истории китайских династии Суй (581–618 гг.) и особенно династии Тан (618–907 гг.) они упоминаются вначале в составе конфедерации племён теле, позже – токуз-огузов. В «Цзи Тан ши» сообщается: «Теле было отдельное племя сюнну. К правлению Удэ (618–627 гг.) были (известны) следующие их племена, разбросанные к северу от пустыни (Гоби): сеяньто, циби, хуйхэ, дубо, гулигань, доланьгэ, пугу, баегу, тунло, хунь/кунь, сыцзе, хусе, сицзе, аде и байси» [17, с. 108]. Во главе этих племён («теле») стояли два соперничавших между собой племён: сеяньто (будущие кыпчаки) и хуйхэ (уйгуры).

В 630 г. племена теле, подчинявшиеся Восточно-тюркскому каганату восстали против него и, вступив в союз с китайцами, разгромили. На развалинах каганата началась борьба за власть над племенами. Одна из хроник китайской династии Тан «Цзи Тан ши» сообщает, что в 648 г. вблизи китайской границы для переселенцев были созданы особые административные образования, в том числе округ Восточный Гаолань, где кочевало племя хунь, в количестве 1342 семьи, т.е. 5182 чел. [16, табл. 2 на с. 22]. В 681 г. тюрки-ашина и их союзники сеяньто подняли антикитайское восстание и создали государство – Второй Восточно-тюркский каганат (681–744 гг.). Токуз-огузы, в том числе и куны (племя хунь), оказались под властью тюрков-аши-

на (в китайских хрониках – туцзюэ) и сеяньто. В 744 г. история повторилась: токуз-огузы восстали и, пользуясь поддержкой Китая, разгромили Восточнотюркский каганат. В результате тюрки-ашина исчезли как этнос, сеяньто (сиры древнетюркских надписей) бежали на Алтай и Тянь-Шань, сменив этноним «сиры» на «кыбчак» (впервые упоминается в 760 г.). Возник Уйгурский каганат (744–840 гг.), в котором уйгуры и шесть телесских племён, в том числе и племя хунь, заняли доминирующее положение. Помимо тюркских, телесских и иных, племён в каганате были многочисленные колонии согдийцев, торговцев и миссионеров, проповедников манихейства и несторианства. Уйгурский каганат весьма отличается от предшествующих ему кочевых империй градостроительством, развитием земледелия и торговли, более высоким уровнем культуры (создание на основе согдийской письменности уйгурского письма), религиозной терпимостью: помимо манихейства, ставшего в 763 году государственным культом, в каганате были распространены буддизм и христианство несторианского толка [6, с. 23–25]. В арабо-персидских источниках каганат известен как государстве тогузгузов. С Китаем каганат поддерживал добрососедские отношения, уйгурская конница помогла китайцам в 755 г. подавить восстание Ань Лушаня, были их союзниками в борьбе против Тибета [3, с. 461–462]. Однако конец каганата был близок: в 795 г. власть захватил род эдизов, устранив правящий уйгурский род яглакар, в 818 г. восстали кыргызы. Стремясь восстановить власть «законного» правящего рода, уйгуры обратились за помощью к кыргызам и объединёнными усилиями разгромили, но не только эдизов, но и каганат в целом. Этим воспользовались покорённые племена и Китай. С падением каганата союз токуз-огузов распался; уйгуры и их союзники рассеялись кто куда: часть их ушла на юго-запад и создала небольшое, но крепкое и долговременное государство в Турфане (866 г.), другая – на юг, в Ганьсу и часть, том числе куны, устремилась дальше на юг, к границам Китая. Куны, очевидно, обособились на знакомых им ещё с VII в. местах.

С разгромом Уйгурского каганата усилились кидани. В 907 г. их вождь Абуги из рода елюй племени ила объявил себя императором киданей и захватил северные районы Китая. В том же году прекратилась династия Тан. В Китае началась борьба за власть, воспользовавшись смутой, кидани помогли своему ставленнику Ши Цзинта-

ну создать государство Позднее Цзинь, получив в 936 г. за помощь 16 округов Китая на территории современных провинций Хэбэй и Шаньси [17, с. 4]. Куны оказались соседями образовавшейся киданьской империи Ляо (947 г.), в населении которой преобладали китайцы. Если прежде в государстве киданей была политика веротерпимости, то с середины X в. она сменилась преследованием ряда религиозных групп, в частности, несториан: в 956 г. они были изгнаны из Китая, а в 998 г. и с китайской границы [3, с. 659, 664]. Куны откочевали далеко на северо-запад: в 1029 г. Абу-Рейхан аль Бируни помещает их по соседству с племенами каи, кочевавших близ территории енисейских кыргызов, т.е. в верховьях Енисея [8, с. 29]. Дальнейшая история кунов связана с нападением на них племён каи и миграцией в группе племён на запад до степей Северного Причерноморья. То, что они слабо освещены в арабо-персидских и европейских источниках объясняется тем, что арабо-персидским авторам, начиная с Ибн-Хордадбеха (IX в.), хорошо известны тогуз-гузы, т.е. токуз-огузы, в составе которых были куны. В европейских же источниках этноним куны был заменён этнонимами куманы или половцы ввиду того, что в причерноморские степи куны пришли вслед за куманами и половцами, позже их, но вместе с ними.

Точных сведений о физическом облике средневековых кунов нет. Имеются лишь косвенные данные, позволяющие реконструировать их расовую принадлежность. Есть основание предполагать, что племена, составившие конфедерацию токуз-огузов, представляли собою единство не только в культурно-хозяйственном отношении, но были близки в аспектах языка и расового типа. Если это так, то физический облик кунов можно представить по рисунку китайского художника, изображавшего уйгура. Являясь в целом представителем монголоидной расы, уйгур по скуловому диаметру, разрезу глаз и степени развития волосяного покрова (т.е. по бороде) явно отличается от типичных китайцев европеоидными признаками [8, с. 115]. По некоторым данным (в том числе, по географии расселения) можно предположить, что куны были более монголоидны, чем половцы и, тем более, куманы. По данным известного средневекового тюрколога Махмуда аль Кашгари уйгуры, а значит и куны, говорили на восточном наречии древнетюркского языка [13, с. 13].

Марвази пишет, что куны христианенесториане. Он явно преувеличил. Если

и были несториане среди кунов, то в Северном Причерноморье их не было: ни в одном источнике, где упоминаются куны, сведений об этом нет. Как нет упоминаний о наличии среди них манихеев: манихейство было государственной религией в Уйгурском каганате и куны, как одно из господствовавших в нём племён, могли испытать влияние этой религии. В семантике сосудов в обеих руках половецких каменных изваяний, усматривается манихейское (уйгурское) влияние [7, с. 51], которое могли привнести в традицию этих изваяний куны.

В древнерусских источниках куны упоминаются в летописи под 1096 г. и художественном произведении «Слово о полку Игореве», но не под своим этнонимом. Возможно потому, что в Древней Руси «куны» – это мелкие монеты (25-я часть гривны). А поскольку начальная буква в этнониме кун звучит как звук между х и к (в китайских источниках даётся хунь/кунь), то в произведении «Слове о полку Игореве» они названы «хинове», хыны [4, с. 125–129], а в летописи этноним куны приводится слитно с половецким сары (сарыкыни) [4, с. 123–124]. В 1096 г. в летописи упоминается хан Кунуй; по Н.А. Баскакову семантика имени означает «друг, приятель», но окончание имени «уй», по его же мнению, означает «союз». Следовательно, возможна иная семантика имени: «Кун – союзник».

Слово «кун» в древнетюркском языке имеет несколько значений: солнце, день, а кун орту – полдень; для семантики этнонима более подходит «полуденный», т.е. южный [5, с. 326–328]. Возможно, семантика этнонима не случайна: в китайских источниках отмечено что «племя хунь кочевало южнее всех поколений по Онгин-голу» [2, с. 353, прим. 2]. Возможно, к кунам относилось племя токсоба (токсобичи), т.е. древнетюркское – токуз-огуз – девять родов, где тюркское «огуз» заменено на древнемонгольское «обог» – род. Доказательством, кроме этнонима является «татарское», по сообщению Ибн Халдуна [8, с. 53] их происхождение. А куны, по Марвази, «прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана». Ведь «татарское» в данном случае не обязательно этнически монгольское происхождение, просто они прибыли оттуда, где сейчас (Ибн Халдун жил в XIV в.) монголы (татары). Однако, по мнению А.Г. Малявкина, число девять было сакральным в тюркской этнонимии: токуз-огузы, токуз-басмылы, токуз-татары [17, с. 7], следовательно, племя токсоба, токсобичи не обязательно были потомками

токуз-огузов. Но вот монгольское «обог», «оба» (род) в ряде, известных как половецкие, названий родов (токсоба – токсобици, етоба – читеевичи) вместо тюркского «уруг», свидетельствует о близости, во всяком случае, территориальной, этих тюркских групп к монголам, у которых и был заимствован термин «оба».

В «Слове о полку Игореве» в сообщении о приходе кочевников на бой с князем Игорем называются их этнонимы в исконном тюркском звучании: собрались отряды «Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобица, и Колобича, и Етебича, и Терьтробича» [19, с. 7]. Судя по характерному звучанию имени Кончак и этнонима токсобици (вместо «ч» звучит «ц») возможно предположение, что род (племя) Кончака и токсобици говорили на одном диалекте, или Кончак и был ханом токсобицей (его род или племя здесь не называется). Интересно, что и в сообщении Ибн Халдуна о происхождении племён токсоба и дуруг, названия их передал токсоба (токуз-оба – «девять родов») через монгольское «оба», а дуруг (дорт, торт – «четыре») – через тюркское «уруг» (дорт уруг – дуруг). В летописи (и в «Слове о полку Игореве») этноним дуруг звучит как тёртробичи, т.е. в сочинении Ибн Халдуна этот этноним звучит (по Махмуду аль Кашгари) на западном наречии древнетюркского языка, а в летописи – восточном. Если токсобици – племя кунов, то возможно прав И.Г. Добродомов, считая кунов донскими половцами [4, с. 105].

Однако, район Северского Донца, центр донских половцев, является также и центром (согласно Плетнёвой) каменных изваяний, каких ни куны, ни куманы не ставили. Так что отождествить ту или иную родоплеменную группу с кунами или с сары/половцами весьма затруднительно. Возможно мигрируя вместе, поселившись по соседству, говоря на близких диалектах, куны и сары действительно объединились и стали «сорочинами» (сары-куны). Тенденция к объединению на основе этнической близости, общности интересов и общей судьбы несомненно существовала – несмотря на вражду в прошлом, вынудивших племена покинуть прежнюю землю (родину), военные столкновения между ними не известны. Однако политического объединения всех пришедших в единой миграционной «волне» племён не произошло и – сложение нового кочевого этноса не состоялось.

Куманы. Если в сведениях о кунах более-менее хорошо известна ранняя история, то в отношении куманов – наоборот,

относительно хорошо известно их поздняя история, начиная с 1065 г. Известиями о куманах (команы в Западной Европе) прерят европейские и особенно византийские источники, о них упоминает летопись в 1096 г. («кумане, рекше половци»), а вот в арабо-персидской историографии сведений почти нет. В них все кочевые племена, населявшие степи от Дуная до Иртыша именовались кипчаками. Неизвестными были куманы и Махмуду аль Кашгари (XI в.), хотя о печенгах и торках (огузах, гузах, узах) он осведомлён. В своём труде «Диван лугат ат-турк» он сообщает: «Я описал только племена, а родовые деления оставил без внимания» [13, с. 13]. Очевидно, либо куманы были родовым подразделением какого-то племени, либо столь немногочисленным племением, что Кашгари посчитал его родом.

Лишь в трудах трёх арабских географов имеется описание куманов и их страны «аль Куманийа». Это, прежде всего, Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ал Идриси (1100–1165 гг.), который находясь с 1140 г. в Палермо на службе сицилийского короля Рожера II, занимался по указу короля географическими исследованиями. В «Книге Рожера» (одно из названий его труда, см. 12, с. 5), законченной в 1154 г., приводится описание стран. В его работе использованы труды более ранних авторов, подчас устаревшие в аспекте этнографической информации (например, в сообщении о хазарах), так и устная информация купцов, путешественников и другие источники. О Кумании аль Идриси пишет: «от города ал-Хазар до города Кира 25 миль, а от последнего до города Кумания, по имени которого названы куманы и сам этот город именуется Чёрной Куманией – 25 миль. Этот город называется Чёрной Куманией потому, что близ него протекает (Черная) река. От города Чёрная Кумания до города Матлука, который называется Белой Куманией 50 миль. Белая Кумания – большой, известный город» [12, с. 118–119]. Река Чёрная соотносится с Кубанью [12, с. 220], а город Матлука – с известным на Руси городом Тмутаракань. Прежний, оказавшийся неверным, перевод текста Идриси породил ошибку о разделении Куманий на две части: Белую Куманию к западу от Днепра и Чёрную – к востоку от него. Новый перевод уточнил: так назывались не две части страны, а два города. Возможно, эти города находились под властью куманов или были центрами торговли с ними.

Страна аль Куманийа в сочинении ал Идриси находилась в 5 и 6 секциях 6 кли-

*Кунская девушка из города
Карцаг (Венгрия, Надькуншаг)*

Автор статьи с новым знакомым — кунем, г. Карцаг, 2008.

мата, по соседству с ар-Русией, ал Булгарией (Волго-Камской), страной Басджирт (арабское название башкир и мадьяр, но ал Идриси Венгрию называет Ункарийа), ал-Лан (Алания) и ал-Хазар, т.е. к западу от Волги.

Жившие позже географ Ибн Саид аль Магриби (1208/1214–1274/1286 гг.) и географ, историк, энциклопедист Абу-л-Фида (1273–1331 гг.) широко использовали в своих трудах сочинение аль Идриси. Однако к этому времени этнический состав кочевников причерноморских степей изменился. Поэтому, в их работах имеется и собственные сведения, в частности, о кипчаках, о которых не писал аль Идриси. В «Книге о географии семи климатов» Ибн Саид пишет: «Куманы – один из тюркских народов. Они занимаются астрологией, следуют предсказаниям небес и поклоняются звёздам» [11, с. 34].

Ибн Саид к северу от Каспийского и Аральского морей помещает горы Аскасийя, в предгорьях и к югу от них обитают куманы. В горах Тагура к юго-востоку от Аскасийи находится центр страны куманов, причём Тагура сопоставимы с Мугоджарами. К югу от них (куманов) находились – огузы, на запад – печенеги, на северо-запад – болгары, на северо-восток – кипчак. Б. Кумеков полагает, что сведения, приводимые Ибн Саидом и вслед за ним Абу-л-Фидой, почерпнуты из более ранних источников и сведения о куманах, таким образом, относятся ко времени до их перехода в Северное Причерноморье [14, с. 126]. Место их обитания вполне согласуется с возможным маршрутом миграции половцев и кунов, вынудившей куманов покинуть свою территорию. Интересно, что в сочинении малоизвестного арабского автора Ахмеда ат-Тини (1235–1318 гг.) в списке племён Дешт-и Кипчака названы куманлу, где аффикс «лу», («оглы») означает принадлежность к чему-либо – к местности, например [14, с. 124]. Этним куманлу подобен самоназванию современного малого этноса на Северном Алтае – куманды, кумандинцы, сложившиеся в долине реки Лебедь (приток Бии), лебединцы. Связь куманлу с куманами, кроме этнонима, не ясна: возможно, что это племя поселилась на территории, оставленной куманами, получив от топонима свой этним (куманлу – куманцы).

Антропологически куманы характеризовались более европеодными чертами, чем куны, и более походили на печенегов [18, с. 44–45].

О языке куманов имеется свидетельство Анны, дочери византийского императора

Алексея Комнина. В 1091 г., перед битвой между византийцами и их союзниками куманами с одной стороны и печенегами – с другой один из печенежских военачальников, пытаясь уговорить куманов от участия в битве, «явился к куманам – последние (куманы) говорили на одном с ним (печенегом) языке» [10, с. 236]. По свидетельству Махмуда аль Кашгари, печенеги (и огузы) говорили на западном наречии древнетюркского языка, согласно сообщению Анны Комнин, куманы – тоже. В памятнике куманского (и половецкого) языка «Codex Cumanicus», составленном в Крыму в 1303 г., в тюркской лексике присутствуют слова как западного, так и восточного наречий. Исследователи этого памятника тюркского языка отмечают, что в нём отражаются особенности «двух или трёх языков» [20, с. 66], точнее наречий. Это мнение лингвистов-тюркологов вполне совпадает с моим: в Кодексе Куманикусе отразились три диалекта двух наречий древнетюркского языка, причём на диалекте западного наречия говорили куманы, на двух диалектах восточного – куны и половцы. Датировка записи этого важного источника (1303 г.) настораживает: ведь в это время Крым, где был составлен и написан этот памятник, как пишет один из его исследователей, «куманских языков», был улусом Золотой Орды и этнический состав кочевников в крымских степях изменился. Это значит, что в тюркскую лексику «Кодекса Куманикуса» могли попасть слова из языков племён бежавших от монголов не только из причерноморских степей, но и из восточных степей, а также из языков племён, пришедших с монголами. Однако завоеватели вытеснили местных степняков в горы, заняв их земли в степи, Абу-л-Фида, в своём труде (1321 г.) степь в Крыму называет Музаффат ал Кибджат, т.е. пустыней кипчаков [11, с. 124]. Предполагается, что словарь, был составлен раньше прихода монголов или в горных районах, где обосновались куманские и другие беженцы. Действительно, в Европе, откуда были составители словаря, монголов и всех пришедших с ними называли татарами или мунгалами и название словаря было бы иное.

Наконец, семантика термина «куман». В летописи в 1103 г. упоминается хан по имени Куман. Известный советский тюрколог Н.А. Баскаков определил семантику имени Куман: куу – лебедь, аффикс ман – означает подобность, принадлежность, следовательно, Куман – подобен лебедю, лебединый [1, с. 86]. Это имя, антропоним, куманы – этнимом народа, имеющего то-тем – лебедь.

Итак, исследование показало: куны и куманы (команы) – самостоятельные, хотя и этнически родственные, этносы (племенные общности). Они – выходцы из разных мест Великой степи – куны из «земли Кытай», крайней, восточной части степи, куманы из центральной её части (Западный Казахстан). Не «земляки» они и половцам, ибо сары (половцы) – выходцы из Семиречья [7, с. 123]. Относятся куны и куманы к разным смешанным европеодно-монголоидным типам, в физическом облике кунов доминируют монголоидные черты, а у куманов – европеодные. Говорят они на разных наречиях древнетюркского языка: куны на восточном наречии, куманы – западном. Судьба свела их вместе и объединила общей целью и опасностью (мнимой или реальной), исходящей от новых соседей. А новые соседи восприняли пришельцев как этнически единую массу кочевников, язычников, всегда готовых к грабительским набегам.

Как этнос куны и куманы исчезли – сначала большинство их покорилось монголам и стало частью населения Золотой Орды, затем, потеряв этнические особенности, вошли в состав новых этнических образований – татар (крымских и казанских), караимов, карачевцев и балкарцев. Этноним «куманы» исчез, а вот кунами именуется в современной Венгрии этническая группа и территория (Надькуншаг и Кишкуншаг), где в середине XIII в. поселились бежавшие от монголов кочевники причерноморских степей – куны, куманы, половцы и другие, получившие на новой родине общий этноним – кунок (венгерск.), т.е. куны. Приняв христианство, перейдя к оседлости и сменив язык, куны не забыли своё происхождение и историю. В 2008 г. мне удалось побывать в городке Карцаг, «столице» Надькуншага (Большая земля кунов) и познакомиться с представителями «исчезнувшего» этноса [8, с. 88–93].

Список литературы:

- [1] Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 204 с.
- [2] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. (Иакинф) Бичурин. Т. 1. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – 389 с.
- [3] Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. – СПб.: СЗКЭО «Кристалл»; М.: АСТ, 2002. – 546 с.
- [4] Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. 1975 / АН СССР. Ин-т востоковедения; Отв. ред. А.Н. Кононов. – М.: Наука, 1978. – С. 102–129.
- [5] Древнетюркский словарь / Авторы-сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева и др. – Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1969. – 676 с.
- [6] Дробышев Ю.И. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя // Восток/Oriens. – 2009, № 3. – С. 17–26.
- [7] Евстигнеев Ю.А. Половцы: кто они? К вопросу об этнической идентичности половцев // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 2. – С. 119–123.
- [8] Евстигнеев Ю.А. Кыпчаки/половцы/куманы и их потомки. К проблеме этнической преемственности / 2-е изд. доп. – СПб.: Астерион, 2011. – 131 с.
- [9] Князький И.А. Русь и степь / И.А. Князький. – М.: Наука, 1996. – 129 с.
- [10] Комнина А. Алексиада / Пер. с греч. и комм. Я. Н. Любарского. – СПб.: Алетей. 1996. – 703 с.
- [11] Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. / И.Г. Коновалова, [текст, перевод, комментарий]. – М.: Вост. лит., 2009. – 224 с.
- [12] Коновалова И.Г. Ал Идриси о странах и народах Восточной Европы / И.Г. Коновалова. – М.: Вост. лит., 2006. – 438 с.
- [13] Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивону лугат ит-турк» // Советская тюркология. – 1972, № 1. – С. 3–15.
- [14] Кумекон Б.Е. Об этническом составе кипчаков XI – нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2. История и археология. – М., 1990.
- [15] Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии: материалы и исслед. / Отв. ред. к. э. н. Ю.М. Бутин. – Новосибирск: Наука, 1981. – 335 с.
- [16] Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования / Отв. ред. Ю.М. Бутин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 431 с.
- [17] Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. – М.: Наука, 1983. – 297 с.
- [18] Плетнева С.А. Половцы. – М.: Ломоносовъ, 2010. – 211 с.
- [19] Слово о полку Игореве / Под ред. Д. Лихачёва. – М.: Наука, 1968.
- [20] Хабичев М.А. Памятник куманских языков // Советская тюркология. – 1974, № 2. – С. 66–70.
- [21] Храковский В. Шараф ал Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения. Т. 1. – Алма-Ата, 1959. – С. 208–218.
- [22] Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц 1054–1212. – М.: Центрполиграф, 2009. – 526 с.